Л67
774.

Л57 / 774

М. М.

СПЕРАНСКІЙ

ВЪ ПЕРМИ И СИБИРИ.

Протоіерея Евгенія Попова.

...ровой.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
647602
1952

Двухлѣтняя жизнь Сперанскаго въ Перми.

Во времена епископа Іустина жилъ въ Перми изгнанникомъ Михайло Михайловичъ Сперанскій. Можемъ ли мы пройдти молчаніемъ въ своей церковно-епархіальной исторіи это лицо? Нѣтъ! Потому что Сперанскій въ Перми провелъ больше двухъ лѣтъ: а въ жизни великихъ людей и одинъ день, взятый на выдержку, оказывается не безслѣднымъ и содержательнымъ.—Сперанскій въ Перми исключительно принадлежалъ Церкви,-былъ здѣсь не дѣятелемъ государственнымъ, а только сыномъ православія: мы же пишемъ въ краткихъ очеркахъ исторію мѣстной церкви, которую (какъ и по общему понятію о Церкви) составляютъ не одни пастыри или духовенство, но и пасомые или міръ-народъ, и въ которой должны имѣть мѣсто замѣчательныя чѣмъ либо личности изъ каждаго класса вѣрующихъ.—Сперанскій былъ въ свое время распространителемъ и преобразователемъ вообще духовныхъ училищъ, а черезъ *свѣчный капиталъ*, который принадлежитъ его изобрѣтательному уму, сдѣлался и на-всегда благодѣтелемъ для духовенства. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ приготовляемъ въ Перми (только не самъ собой или же постороннимъ чьимъ соображеніемъ, но однимъ тѣмъ, Кто знаетъ будущее),-былъ приготовляемъ въ пермскомъ изгнаніи и къ новымъ государственнымъ трудамъ. И эти труды оказались еще болѣе цѣнными и прочными, чѣмъ прежніе, по силѣ того христіанскаго настроенія, какимъ надѣлила его пермская жизнь (какъ впрочемъ за-тѣмъ и деревенская, въ его помѣстьѣ). И такъ долгомъ поставляемъ себѣ сказать о ссыльной жизни въ Перми этого незабвеннаго человѣка.

Паденіе любимца и совѣтника царскаго, двигателя Россіи къ лучшему состоянію почти по всѣмъ отраслямъ ея государственной жизни, въ томъ числѣ перваго (по времени) предъявителя въ пользу крѣпостныхъ людей*,— послѣдовало 17 марта 1812 года (въ воскресный день). Позднимъ вечеромъ этого дня возвратился домой Михайло Михайловичъ, послѣ двухчасовой ауединенціи съ государемъ Александромъ Павловичемъ и бытности еще у своего друга и сотрудника (Магницкаго), у котораго только засталъ жену въ горькихъ слезахъ объ мужѣ, въ тотъ же вечеръ арестованномъ и сосланномъ. Онъ встрѣтилъ у себя въ кабинетѣ министра полиціи и выслушалъ громовыя слова, что «вотъ онъ увольняется отъ всѣхъ должностей, что долженъ быть удаленъ въ Нижній-новгородъ и что у подъѣзда его квартиры уже ожидаетъ его почтовая кибитка»! Завистники и враги его въ Петербургѣ и Москвѣ успѣли представить *подозрительными* его намѣренія по служебной дѣятельности и даже отнесли къ нему замыслъ измѣны по случаю тогдашней войны съ французами. Клеветы на невиннаго получили свой ходъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, какъ самыхъ тревожныхъ, и предъ отъѣздомъ Государя въ армію. Сперанскій выслушалъ Высочайшее распоряженіе, и—покорился волѣ Божіей. По жизни семейной онъ былъ вдовъ: счастіемъ супружескимъ пользовался всего два года. Имѣлъ у себя одну только тринадцатилѣтнюю дочь (Елисавету), съ которой находилась его теща. Такъ какъ дочь его уже въ тотъ разъ спала, то онъ не захотѣлъ безпокоить ее, только перекрестилъ запертую къ ней дверь. Но вскорѣ и дочь прибыла къ нему, потому что не могла вынести первой разлуки съ нѣжнымъ отцомъ. Въ Нижнемъ изгнанникъ прожилъ полгода. Когда войска

---

* Ук. 1803 года, 20 февр. о свобод. хлѣбопашцахъ.

непріятельскія вступили въ предѣлы Россіи, враги его воспользовались этимъ случаемъ удалить его и еще дальше. Они утверждали, что подозрѣваемому въ сношеніяхъ съ Франціей не слѣдуетъ находиться вблизи того мѣста (т. е. Москвы), куда подвигаются французскія войска и откуда вмѣстѣ съ тѣмъ жители бѣгутъ въ Нижній же. Сложена была на Сперанскаго здѣсь и новая клевета. И такъ опять вечеромъ (15 сентября) вдругъ явилась къ нему полиція и объявила, что онъ ссылается въ Пермь, городъ въ полуторыхъ тысячахъ верстъ отъ Москвы и пустынный. На этотъ разъ невинный страдалецъ видимо обнаружилъ свое ужасное горе, схвативъ себя на минуту за голову. Дочь и тещу, очевидно, онъ оставилъ до времени въ Нижнемъ. И—вотъ глубоко-молчаливый отправился въ нашу Пермь, сопровождаемый полицейскимъ чиновникомъ въ самой повозкѣ, а на козлахъ унтеръ-офицеромъ губернскаго батальона!

Сперанскій прибылъ сюда черезъ недѣлю (23 сент.) 1812 года. Помѣстился въ отведенной ему квартирѣ у купца Ив. Ник. Попова (въ верхнемъ этажѣ),-тамъ, гдѣ нынѣ губернская почтовая контора, гдѣ слѣдовательно каждый день бываетъ человѣческая оживленность. (Когда случается намъ быть въ почтовой конторѣ,-и приходитъ на память, какъ въ этихъ стѣнахъ нѣкогда была заключена *могучая* жизнь съ тѣмъ, чтобъ — какъ думалось врагамъ—замереть ей здѣсь). Пунктъ, занимаемый нынѣшнею почтовою конторою, однако, самый красивый въ Перми. Отсюда въ глубокую даль видится кама съ обоихъ концовъ по ея теченію, особенно во время весенняго разлива. Съ этого гористаго мѣста, которое сейчасъ же идетъ спускомъ, вдругъ видны всѣ пароходныя пристани, воксалъ желѣзной дорогой и мотовилихинскій

заводъ съ его громадными и милліонными постройками. Когда нынѣшній государь Александръ Николаевичъ, въ званіи Наслѣдника престола, былъ въ Перми и, осматривая городъ, пріѣхалъ на это самое мѣсто, то сказалъ: «ахъ, какъ здѣсь хорошо»! Обратить кому либо вниманіе его на квартиру Сперанскаго, который былъ преподавателемъ его по предмету высшаго законовѣденія, не было нужды; потому что Сперанскій тогда еще здравствовалъ и находился въ Петербургѣ.

Прежде и главнѣе всего перемѣщеніе изгнанника въ Пермь составляло для него новый крестъ въ его изгнанничествѣ. «Значитъ онъ (должны были подумать объ немъ всѣ) важный государственный преступникъ, коли удаленъ и еще дальше». Самъ по себѣ съ этою новою ссылкою онъ сталъ уже терять надежду въ скоромъ времени возвратиться въ Петербургъ: естественно было ему теперь посмотрѣть на свою ссылку, не какъ на временную только мѣру со стороны Государя, чтобъ утолить злобу его враговъ и успокоить значительную часть народа, который по настроенію враговъ его считалъ его измѣнникомъ отечеству, но какъ на самое неопредѣленное состояніе. Въ Нижнемъ-новгородѣ онъ началъ было устраиваться своимъ бытьемъ. Предписаніе губернаторамъ при проѣздѣ его изъ Петербурга въ «Нижній», чтобъ встрѣчали и провожали его съ почтеніемъ, за-тѣмъ его твердость и спокойствіе духа среди столь поразительныхъ перемѣнъ въ его жизни, даже подали поводъ нижегородцамъ думать, будто онъ совсѣмъ не въ заточеніе къ нимъ посланъ, а только подъ этимъ видомъ выполняетъ какое нибудь тайное порученіе, на-примѣръ узнаетъ о настроеніи умовъ по случаю нашествія французовъ. Въ Перми же сосланнаго приняли иначе. Ссылка его сюда, дѣйствительно, удостовѣрила всѣхъ, что онъ «измѣнникъ» и что опасно съ нимъ имѣть сношенія.

Между тѣмъ онъ, не подозрѣвая и въ столь отдаленномъ отъ столицы краю непріязни къ себѣ, сдѣлалъ мѣстнымъ чинамъ посѣщеніе. И что же вышло? Ему никто не отплатилъ взаимнымъ посѣщеніемъ.

На первое время и сдѣлался его посѣтителемъ только хозяинъ его квартиры, жившій тутъ же внизу. Къ счастію своему Михайло Михайловичъ нашолъ этого человѣка умнымъ и добрымъ. Поэтому тотчасъ довѣрился ему. Поповъ до того времени владѣлъ порядочнымъ состояніемъ и даже по дѣламъ торговли бывалъ въ Петербургѣ: но теперь ничего не имѣлъ, кромѣ дома. Гостя своего онъ хорошо зналъ по слуху; потому что имѣлъ близкихъ знакомыхъ въ семинаріи, гдѣ между прочимъ находились родственники и ученики (по тобольской семинаріи) Словцова, который былъ другомъ Сперанскому (о Словцовѣ еще поведемъ рѣчь). Разъ во время своего пріѣзда въ Петербургъ цѣлыхъ полгода Иванъ Николаевичъ искалъ встрѣтить государственнаго человѣка, и—не встрѣтилъ. Чтобъ видѣть, какъ онъ на самомъ-то дѣлѣ отнесся теперь къ Сперанскому, замѣтимъ. — Кто только разъ безъ предъубѣжденія встрѣчался съ Михайломъ Михайловичемъ, тотъ не могъ не расположиться къ этой личности всею душою. Съ одной стороны, свѣтлый и глубокомысленный взглядъ его, прекрасное до самой старости лицо, высокій ростъ и вообще величавая осанка, а съ другой-даръ слова, выслушиваніе другихъ, когда говорятъ другіе, добродушная привѣтливость, какіе-то особенные пріемы, и самые вкусы изящные (на-прим. любилъ въ высшей степени чистоплотность, природу, цвѣты и музыку, хоть самъ не игралъ ни на какомъ инструментѣ),-все это каждаго плѣняло въ Сперанскомъ. А теперь этотъ дорогой человѣкъ еще находился въ исключительномъ положеніи, какъ дальній изгнанникъ и совершенно одинокій; ктому же и пора

года была осенняя, съ ея ранними и длинными вечерами. Въ такомъ положеніи—какъ извѣстно—каждый готовъ заговорить хоть съ камнями, радъ съ кѣмъ ни-есть обмѣняться чувствами, бываетъ мягкосердеченъ и откровененъ. Так. обр. въ свою очередь и Михайло Михайловичъ съ перваго раза завладѣлъ вниманіемъ и чувствами Попова. Иванъ Николаевичъ приходилъ къ нему въ обѣденное время, за-тѣмъ еще съ полчаса оставался съ нимъ для игры въ шашки. А особенно Михайло Михайловичъ дѣлилъ съ хозяиномъ своимъ вечерніе часы, прохаживаясь вмѣстѣ съ нимъ по длинной залѣ до самаго сна. Былъ откровененъ къ нему и будто въ откровенныхъ разговорахъ съ этимъ простодушнымъ, но и весьма развитымъ, пермякомъ отдыхалъ послѣ петербургскихъ своихъ работъ; на-прим. говорилъ о себѣ, какъ нерѣдко работалъ въ Петербургѣ по 18 часовъ въ сутки, до того что терялъ аппетитъ и не могъ разогнуть спины; знакомилъ пермяка съ нѣкоторыми знаменитыми лицами, на-прим. съ граф. Карклиномъ; разсуждалъ объ ученыхъ предметахъ, наприм. по поводу книжки Шишкова «о старомъ и новомъ слогѣ». Не даромъ же Поповъ называлъ это время у себя «истинно-благодатнымъ». Только Михайло Михайловичъ ничего не открылъ ему и даже показалъ видъ неудовольствія, когда онъ полюбопытствовалъ спросить о прощаньѣ Государя съ изгнанникомъ, которое—какъ слышно стало—состояло въ двухчасовомъ уединенномъ разговорѣ.

Нашолся въ Перми и со стороны смѣлый человѣкъ, который съ первыхъ же дней сталъ посѣщать Сперанскаго. Это былъ *Иннокентій* Коровинъ, тотъ самый, котораго мы видѣли въ своихъ историческихъ разсказахъ сидящимъ въ Нытвенской церкви на архіерейскомъ стулѣ и который теперь былъ уже игумномъ соликамскаго монастыря и преподавателемъ въ духовной семинаріи.

Что же было Иннокентію поводомъ сблизиться со Сперанскимъ? Онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ купцу Попову, да и самъ квартировалъ тутъ же на оградѣ, въ каменномъ флигелѣ. Надобно сказать, что съ первыхъ дней мѣстопребыванія Сперанскаго въ Перми мѣстное начальство еще не опредѣлило для себя,-какъ относиться къ ссыльному. Начальникомъ губерніи тогда былъ нѣкто *Гермесъ,* который позволялъ своей женѣ вмѣшиваться въ свои служебныя дѣла. Когда былъ обсуждаемъ въ совѣтѣ губернскихъ властей вопросъ,-въ какой степени требуется строгій надзоръ за ссыльнымъ, жена Гермеса и вырѣшила этотъ вопросъ не въ пользу его. Немилосердая женщина, имѣвшая между тѣмъ много дѣтей, называла Сперанскаго «временщикомъ». И такъ, пока Сперанскій не подпалъ преслѣдованію пермской полиціи, Иннокентій успѣлъ познакомиться съ нимъ.

Еще близкимъ къ нему человѣкомъ на первыхъ же порахъ сталъ купецъ Дим. Емел. Смышляевъ. Смышляеву выпалъ счастливый жребій одолжить Сперанскаго деньгами. Нѣкоторыя знатныя лица въ Петербургѣ, заключая можетъ быть по себѣ, считали у Михайла Михайловича милліоны денегъ: а онъ всегда былъ безкорыстенъ, такъ что по пріѣздѣ въ Пермь нуждался въ первыхъ потребностяхъ жизни. Причины его пермской бѣдности на первое время объясняются просто. Въ Нижнемъ онъ закупилъ себѣ домъ, думая тамъ дольше оставаться. Тамъ усадили его въ дорогу опять неприготовленнымъ, въ расплохъ, и—онъ не могъ ни у кого занять денегъ.— Обратиться изъ Перми съ просьбой объ деньгахъ къ людямъ состоятельнымъ въ числѣ своихъ приближенныхъ не позволяли ему почтовыя сообщенія, которыя тогда по военному времени прекратились. Пожизненная пенсія ему въ двѣ тысячи рублей, которой онъ былъ удостоенъ въ награду, также задерживалась. И такъ финансовый

законодатель, поддержавшій своими проэктами цѣлое государство отъ близкаго на этотъ разъ упадка, самъ въ Перми сталъ нуждаться въ насущномъ хлѣбѣ, который вполнѣ заслужилъ. Онъ отдавалъ въ залогъ свои вещи, на-прим. кресты, или совсѣмъ продавалъ нѣкоторыя, на-прим. брегетовскія часы [1], или же займовалъ подъ вексель у собственной прислуги. Но особенно онъ понуждался въ деньгахъ въ то время, когда ожидалъ къ себѣ семью,-дочь, тещу и брата: братъ Кузьма Михайловичъ присталъ къ его дочери въ Казани, гдѣ также вдругъ былъ уволенъ отъ должности губернскаго прокурора. И—вотъ вышли минуты, когда мужественный въ несчастіяхъ философъ-христіанинъ явно разстрогался своимъ положеніемъ! Это были минуты просьбы его къ Смышляеву о деньгахъ. Онъ просилъ одолжить пятью тысячами рублей. И—Смышляевъ, тогда еще не милліонеръ, не отказалъ ему въ этой ссудѣ. Черезъ 15 лѣтъ послѣ его смерти Смышляевъ разсказывалъ мнѣ объ этихъ критическихъ его минутахъ. Но разсказъ былъ такой живой, что какъ-бы только вчера Михайло Михайловичъ говорилъ, что ожидаетъ къ себѣ семью и незнаетъ, чѣмъ встрѣтить ее. Вообще Дим. Емел. Смышляевъ, при старости своихъ лѣтъ, весь пришолъ въ состояніе воодушевленія, когда велъ со мною о Сперанскомъ рѣчь, которую самъ же началъ [2]. Онъ говорилъ мнѣ, какъ на глазахъ Михайла Михаиловича (они и во всякое время нѣсколько были покрыты влажностью и нескоро переходили отъ предмета къ предмету) показались слезы, но

---

[1] Назывались по изобрѣтателю: „Брегетъ“; отличались вѣрностью; были и столовыми и карманными; цѣнились втрое дороже обыкновенныхъ часовъ.

[2] Это было въ 1854 году за вечернимъ чаемъ, которымъ угощалъ меня въ своей гостинной Д. Емел. *Авт.*

какъ и тутъ онъ сохранилъ наружность благородную и величественную. Одолженія пятью тысячами знаменитый изгнанникъ не забывалъ до конца своей жизни. Впослѣдствіи времени, пріѣзжая по дѣламъ коммерческимъ въ Петербургъ, Смышляевъ каждый разъ встрѣчалъ радушный пріемъ у него и вообще удостоивался его покровительства въ дѣлахъ своихъ, за-тѣмъ получалъ отъ него въ Перми письма, которыя къ сожалѣнію сгорѣли въ пожаръ 1842 года. Сперанскій и въ этомъ знакомствѣ былъ откровененъ; на-прим. говорилъ, что все же увѣренъ въ расположеніи къ себѣ Государя, что первоначальное удаленіе его изъ Петербурга допущено Государемъ какъ только «жертва общественному мнѣнію» и что можетъ быть «никто столько не болѣлъ тогда за него душой, какъ Государь[1]».

Въ домѣ Попова[2] М. М. Сперанскій не могъ оставаться. Очень жалко было ему уйдти отъ этого человѣка:

---

[1] И дѣйствительно, государь Александръ Павловичъ до того былъ разстроганъ прощаньемъ со Сперанскимъ, что въ тотъ вечеръ никого уже не могъ принимать къ себѣ. Когда же несчастный Михайло Михайловичъ вышолъ изъ его кабинета съ заплаканными глазами и въ замѣшательствѣ вмѣсто бумагъ укладывалъ въ портфель свою шляпу, наконецъ-палъ на стулъ отъ волненія, тогда Государь показался на порогѣ своего кабинета, и—самымъ трогательнымъ тономъ сказалъ: „еще разъ прощайте, Михайло Михайловичъ“. На другой день Голицынъ, оберъ-прокуроръ Синода, въ виду его мрачныхъ думъ спросилъ: „нездоровы вы“? Государь отвѣчалъ: „если-бъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моею правою рукою“. (Ж. Спер., барона Корфа).

[2] Домъ его впослѣдствіи былъ проданъ за долги. Но онъ сдѣлался счастливымъ въ судьбѣ своей дочери, которую выдалъ за чиновника Пономарева. Пономаревъ сдѣлался впослѣдствіи богачомъ и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ кажется и окончилъ жизнь его тесть. Поминокъ о дру-

но онъ желалъ имѣть квартиру теплѣе (тутъ же съ камы изъ оконъ дуло) и просторнѣе для пріѣзда семьи (вообще онъ любилъ хорошія квартиры). По три дня вмѣстѣ съ Поповымъ онъ отыскивалъ себѣ въ маленькой Перми квартиру. Желая уединиться, хотѣлъ-было занять на краю города одинъ (деревянный) домъ съ прекраснымъ садомъ: но хозяинъ и цѣну назначилъ чрезмѣрную и деньги за годъ требовалъ впередъ. И такъ нанялъ домъ *Ипанова* ниже къ камѣ, на углу противъ тогдашней думы, а нынѣ «нищенскаго пріюта». Домъ этотъ былъ также каменный и двух-этажный, большой, съ балкономъ въ проулокъ, или къ нынѣшнему «пріюту». Недѣли черезъ три—не дальше—послѣ пріѣзда въ Пермь Михайло Михайловичъ и перемѣстился сюда въ верхній этажъ. Здѣсь уже онъ встрѣтилъ свою семью (вполовинѣ октября). Но здѣсь же и накрыла его полицейская стража. Двое полицейскихъ служителей[1] посмѣнно сидѣли у него въ передней. Кромѣ того городничій[2] каждый день, а иногда и по-нѣскольку разъ въ день, пріѣзжалъ къ нему въ квартиру. Очевидно, не было никакой нужды пріѣзжать. Бывало, городничій только отворитъ дверь съ улицы въ комнаты,-посмотритъ, тутъ ли сосланный, кто у него изъ постороннихъ, и—отправляется назадъ. Слѣдили такъ сказать за самыми вздохами изгнанника. Этотъ надзоръ былъ огорчителенъ для Сперанскаго тѣмъ болѣе, что тому же караулу подвергалась и семья его. На улицѣ около дома полицейскіе чины не давали останав-

---

гѣ Сперанскаго сохраняется хоть чрезъ его дочь. Жена Пономарева, а его дочь, завѣщала пермской градской думѣ капиталъ для бѣдныхъ съ тѣмъ, чтобъ каждый разъ „въ Лазареву субботу“ выдавалось каждому бѣдному семейству не менѣе 10 руб. И раздается теперь изъ этого капитала пособіе каждый годъ болѣе, чѣмъ 50 семействамъ.

[1] По-прежнему названію „будочники“.

[2] Прежнее названіе нынѣшняго полицеймейстера.

ливаться проходящимъ и заводить какой либо споръ. Теперь-то невинный изгнанникъ сталъ во всей силѣ чувствовать свой крестъ! Когда онъ выходилъ изъ дома прогуляться, уличныя дѣти (конечно наученныя старшими) кричали вслѣдъ его: «измѣнникъ, измѣнникъ»! Дѣти бросали въ него грязью. Такое нападеніе прежде всего онъ встрѣтилъ отъ учениковъ гимназіи, проходя по галлереѣ гостиннаго двора. А въ одномъ домѣ прислуга каждый разъ сквозь щели воротъ обзывала его измѣнникомъ. Впрочемъ нельзя было строго винить простолюдиновъ за эти оскорбленія невинному. Виною тутъ былъ не простой народъ, а образованныя и высшія лица изъ враговъ изгнанника. Послѣдніе распространили молву о Сперанскомъ, какъ объ измѣнникѣ, и даже его поставляли виновникомъ тогдашней войны съ французами. Эта молва имѣла ходъ не только тамъ, гдѣ уже остановились войска непріятельскія, но и въ сосѣдственныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ. И какъ возмутительно она дѣйствовала на народъ! Вотъ что на-прим. она произвела на родинѣ Сперанскаго, въ селѣ чертукинѣ (въ 40 верстахъ отъ Владиміра), гдѣ на мѣстѣ отца его служилъ протоіереемъ зять его, Третьяковъ [1], родной братъ впослѣдствіи пермскаго архіепископа Аркадія [2]! Крестьяне собрались въ кружокъ и въ досадѣ на воображаемаго измѣн-

---

[1] Другая же (старшая) сестра Сперанскаго была въ замужествѣ просто за дьячкомъ.

[2] Однако фамилія преосвящен. Аркадія (какъ и въ своемъ мѣстѣ скажемъ объ этомъ) была не „Третьяковъ“, а Ѳедоровъ. Это несходство фамилій у родныхъ братьевъ объясняется тѣмъ, что мать ихъ дважды вступала въ бракъ за причетниковъ. Третьяковъ былъ, безъ сомнѣнія, уже отъ втораго брака. Отъ того же брака я видѣлъ сестру преосвящ. Аркадія (замужнюю священницу, въ селѣ крутецкомъ покровскаго уѣзда, проѣздомъ своимъ изъ Москвы въ 1852 году). Все это были родственники и Сперанскаго. *Авт.*

ника хотѣли разбросать по бревнамъ отцовскій домъ его [1]. (Каково же было видѣть все это матушкѣ Сперанскаго, тогда еще здравствующей, очень разумной и глубоко-набожной!).

Въ это-то время (въ ноябрѣ-декабрѣ 1812 года) Михайло Михайловичъ составилъ оправдательное письмо къ Государю. Пермь стала мѣстомъ произведенія этого замѣчательнаго письма. Оно вмѣстѣ съ объяснительной запиской помѣщалось листахъ на шести. Копія съ него осталась въ Перми. На-прим. мы знаемъ, что оно было у Смышляева. Хранилъ его и давалъ съ него списокъ одному губернскому чиновнику преосвящ. Аркадій (какъ сказали мы), родственникъ и соотечественникъ Сперанскаго. Въ письмѣ былъ изложенъ ходъ тогдашнихъ государственныхъ дѣлъ, которыхъ двигателемъ былъ Сперанскій. Со всею силою истины и вмѣстѣ съ простою очевидностью были опровергаемы въ немъ всѣ клеветы. Так. обр. это замѣчательное письмо сдѣлалось теперь историческимъ и предано печати. Крайне затруднялся только Михайло Михайловичъ въ томъ, съ кѣмъ послать письмо. Эта-то главнѣе всего причина привела его къ мысли отпустить любимую дочь и всю семью въ свое помѣстье, которое было вблизи Петербурга (въ новгородской губерніи [2]). Другія причины къ разлукѣ съ семьей были уже второстепенными. Такъ на-прим. онъ не желалъ, чтобъ дочь его была свидѣтельницей дальнѣйшихъ оскорбленій ему въ Перми, которыя дѣйствительно до нѣкотораго времени повторялись.—Онъ находилъ для дочери климатъ пермскій очень суровымъ.—Желалъ продолжить образованіе ея, для котораго не было

---

[1] Бар. Корф.

[2] Впрочемъ деревня принадлежала собственно не ему, а его дочери по наслѣдству отъ тетки.

удобствъ въ пустынной Перми. И такъ въ февралѣ слѣдующаго (1813) года Михайло Михайловичъ снарядилъ свою дочь въ дорогу и вручилъ ей свое письмо для представленія Государю. Братъ его, Козьма Михайловичъ, сопровождалъ племянницу и тещу его. Въ то время французы уже были изгнаны изъ Москвы, слѣдовательно тревоги въ государствѣ не стало, была возстановлена тишина и на путяхъ сообщенія. Так. обр. путешественники проѣхали спокойно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ они отправились не прямо въ Петербургъ, а только въ сосѣднюю губернію, никто не подумалъ подвергнуть ихъ въ дорогѣ осмотру. Отсюда и оправдательное письмо сохранилось цѣлымъ. (Не такова была участь послѣдующей переписки Сперанскаго. Когда онъ отпустилъ изъ Перми одного изъ слугъ своихъ: то слугу подвергли обыску въ Оханскѣ и нашли въ шапкѣ зашитую переписку, безъ сомнѣнія, совершенно невинную.)

Чего же изгнанникъ просилъ себѣ у Государя?—Не того, чтобъ были возвращены къ нему прежнія славныя должности, нѣтъ! Но скорѣе *забвенія* объ немъ и главное—*свободы*. Онъ желалъ возвратиться въ ту же маленькую деревню, куда отправилъ семью,-чтобъ тамъ провести остатокъ своей жизни, которая была переполнена трудами и горестями. Выскажемъ здѣсь свое сужденіе относительно этой просьбы. Сперанскій былъ такой геніальный человѣкъ, и при этомъ столько трудолюбивый и вѣренъ своему отечеству, что дѣлалъ честь всему русскому народу: Наполеонъ, проговоривъ съ нимъ вприсутствіи государя же Александра Павловича только часъ, «готовъ былъ отдать за него цѣлое королевство». Вчастности онъ дѣлалъ великую честь сословію духовенства, изъ котораго произошолъ, которымъ попрекали его завистники изъ свѣтскихъ (поповичь), но которое онъ всегда любилъ. Ктому же тогда ему было только 40 лѣтъ.

Такому ли человѣку было думать о покоѣ служебномъ? Нѣтъ! Ему надлежало еще и еще потрудиться: труды его всегда были необъятны. И дѣйствительно, Господь-Богъ готовилъ его къ новымъ и большимъ трудамъ на пользу государства, хоть не въ скоромъ времени.

И такъ изгнанникъ, отецъ и другъ своей семьи, опять остался одинъ, и такъ даже одиночествовалъ, живя въ Ипановскомъ домѣ, до самаго выѣзда своего изъ Перми. Нашолся теперь ругатель надъ его участью уже не съ дѣтскими выходками. Одинъ чиновникъ, лишенный службы, имѣлъ вообще привычку въ нетрезвомъ видѣ и подъ видомъ непомнящаго себя говорить громко на улицахъ, что вздумается. Наученъ ли онъ былъ кѣмъ или же слѣдовалъ собственнымъ грубымъ чувствамъ,-только не разъ подходилъ къ квартирѣ Сперанскаго, садился на столбикъ у тротуаръ и начиналъ воспѣвать. Что же онъ воспѣвалъ? «На рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ...»! Видно, что кощунникъ понималъ общую мысль священ. текста, которымъ евреи выражали свои *потери* и свою *тоску въ плѣну* вавилонскомъ. Но онъ не понималъ здѣсь значенія величественныхъ словъ: «како воспоемъ пѣснь на земли чуждѣй...»? Евреи, богоизбранный народъ, дѣйствительно, пали нравственно и чрезъ это попали въ плѣнъ: но они въ плѣну-то вспомнили Бога истиннаго, Бога отцовъ своихъ, пріобрѣли особенную высокость духа и не хотѣли унизить себя подобострастіемъ своимъ побѣдителямъ,-не соглашались въ угоду послѣднимъ осквернить свящ. стихи пѣніемъ, а священ. инструменты-игрою *(како воспоемъ на земли чуждѣй?)*. Сколь же вѣрно и пермскій ссыльный оправдывалъ въ своемъ настроеніи эти величественныя слова! Онъ не съ досадою только на завистниковъ и ненавистниковъ своихъ встрѣтилъ свой жребій: но мирился съ горькимъ жребіемъ въ Богѣ, яснѣе сказать-старался

найдти успокоеніе себѣ въ сознаніи предъ Богомъ своихъ немощей и грѣховъ;-свободнымъ и величественнымъ онъ показывалъ себя въ самой ссылкѣ, хоть 2000 верстъ отдѣляли его отъ Петербурга, а враги его при дворѣ были многочисленны и сильны;-никому изъ временныхъ своихъ начальниковъ въ Перми онъ не выразилъ подобострастія, а за-тѣмъ—что всего важнѣе—никому изъ нихъ не мстилъ.—Что онъ былъ прямодушенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добръ, можемъ представить на это слѣдующій случай изъ пермской его жизни. Явный и чрезмѣрный полицейскій надзоръ надъ нимъ въ Перми (а не отдаленный и легкій какъ въ Нижнемъ), и за-тѣмъ нужда въ средствахъ къ содержанію вынудила его просить Государя чрезъ министра полиціи, чтобъ пермскія начальства не притѣсняли его «по своему произволу*» и чтобъ сдѣлано было какое нибудь денежное назначеніе ему. Эта просьба несравненно скорѣе, чѣмъ письмо отправленное имъ съ дочерью, дошла до Государя и увѣнчалась успѣхомъ. Пермскому губернатору было подтверждено, чтобъ Высочайшая воля объ немъ была выполняема *не далѣе предѣловъ*. Содержанія ему было назначено 6000 рублей и кромѣ того велѣно выдать, что причиталось за службу по день удаленія его изъ Петербурга. Да и новый окладъ ассигнованъ съ 17 марта, какъ только онъ выѣхалъ въ Нижній, а не со дня просьбы. Въ указѣ о содержаніи между прочимъ были выражены права его. Указъ начинался словами: «пребывающему въ Перми тайному совѣтнику Сперанскому...». Тогда-то пермскіе чины поняли свою тяжкую вину предъ изгнанникомъ. Тотчасъ, въ представительствѣ губернатора и въ

---

* Письмо написано такъ сильно и свободно, какъ можетъ только писать или говорить человѣкъ, котораго и заслуги вопіющія и невинность неоспоримая.

мундирахъ, они явились къ нему отдать почтеніе. Онъ только привсталъ для нихъ со своихъ креселъ, но не пригласилъ никого присѣсть. Сказалъ къ нимъ два-три слова, и—отпустилъ ихъ отъ себя. За то этимъ скромнымъ намекомъ на обиды ихъ и окончился весь гнѣвъ его. А за-тѣмъ Михайло Михайловичъ благосклонно сталъ относиться ко всѣмъ пермякамъ, когда они каждый разъ дѣлали ему праздничныя поздравленія, да и самъ не отказывался посѣщать ихъ на именинахъ и подобныхъ праздникахъ. Даже каждый сталъ считать его послѣ этого своимъ другомъ.

Скажемъ объ немъ за время жизни его въ Перми, какъ только *о христіанинѣ* и членѣ Церкви. Онъ былъ благонравнымъ отъ самой юности. Иначе онъ не былъ бы назначенъ послѣ семинарскаго курса во вновь открытую главную семинарію въ Петербургѣ *(академію);* потому что туда велѣно было представлять изъ другихъ епархій только «надежнѣйшихъ по благонравію[1]». Но вѣра и духъ христіанскаго благочестія въ Сперанскомъ замѣтно возвысились съ того времени, какъ онъ потерялъ свою жену. Съ этой поры глубокій страхъ Божій всегда проникалъ его. И съ Государемъ въ Петербургѣ иногда онъ проводилъ цѣлые вечера въ бесѣдѣ о религіозныхъ предметахъ[2]. Или если-бъ онъ не отличался религіозностью, то завистники и ненавистники его въ Петербургѣ, желая всячески очернить его, не имѣли бы повода говорить объ немъ, что «религіозность его обратилась въ ханжество». Въ Перми же онъ со всею любовью предался глубоко-христіанскому направленію. Здѣсь онъ возвратился къ изученію свящ. Писанія, котораго не могъ продолжать раньше по причинѣ государственныхъ заня-

[1] С.-Петерб. вѣдом. 1848 г., № 144. [2] Письмо Сперан. изъ Перми.

тій. Здѣсь онъ окончилъ переводъ книги Ѳомы кемпійскаго: *о подражаніи Христу*, который былъ начатъ имъ уже болѣе семи лѣтъ. Пусть это сочиненіе принадлежало паписту. Но въ самой книгѣ мы ничего не нашли неправославнаго; на-прим. сочинитель говоритъ о таинствѣ св. причащенія, но только въ формѣ благоговѣйныхъ чувствованій къ тайнамъ Христовымъ, а не со стороны догматической. И вся книга состоитъ изъ теплыхъ христіанскихъ чувствованій,-излагается въ краткихъ изреченіяхъ, какъ любилъ излагать свои мысли и переводчикъ. Это занятіе для Сперанскаго какъ-есть пришлось по душѣ: переводъ книги сдѣланъ имъ самый легкій[1].—Объ усердномъ чтеніи имъ слова Божія въ Перми заключаемъ еще изъ того, что онъ имѣлъ у себя рукописную книжку, въ которой записывалъ изъ библіи тексты, примѣнимые къ тогдашнему его положенію. Безъ сомнѣнія, тексты этого рода онъ находилъ болѣе въ псалтири, какъ «другѣ и утѣшителѣ страждущихъ». И безъ сомнѣнія, онъ примѣнялъ къ себѣ эти тексты не въ чувствѣ обольщенія своею невинностью или только съ самооправданіемъ, но въ духѣ смиренія и преданности волѣ Божіей.

Сколь онъ усердно изучалъ и правильно поставлялъ слово Божіе *свѣтильникомъ ногамъ своимъ*[2], можемъ судить по одному изъ дружескихъ писемъ его изъ Перми. Уже мы замѣтили, что онъ имѣлъ у себя другомъ Словцова, Петра Андреевича. Это былъ также священническій сынъ, пермякъ по рожденію (изъ сибирскихъ уѣздовъ), которому роднаго племянника той же фамиліи сей-часъ знаемъ въ Перми. Словцовъ учился еще въ тобольской семинаріи и тамъ (какъ мы сказали) служилъ

[1] Книга уже имѣла до четырехъ изданій.

[2] Пс. 118, 105.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

наставникомъ. А потомъ перешолъ на службу въ Петербургъ къ генералъ-прокурору. Но въ свою очередь и Сперанскій началъ служить въ гражданскомъ вѣдомствѣ въ канцеляріи генералъ-прокурора на должности экспедитора[1]. Здѣсь-то эти два человѣка и сошлись между собой на цѣлую жизнь. Словцовъ (старше Михайла Михайловича нѣсколькими годами) былъ также даровитѣйшимъ человѣкомъ. (Пермская внучка его отъ брата-дѣвица, послѣ домашняго воспитанія, сдѣлалась писательницей, бралась за сочиненія серьезныя, какъ на-прим. «историческія письма» по Боклю, «о правахъ женщинъ, о славянофильствѣ въ Россіи», и вела продолжительную переписку съ Аксаковымъ: умерла 28 лѣтъ отъ усиленныхъ занятій[2]). Словцовъ достигъ также и генеральскаго чина. Лѣтъ за пять до удаленія Сперанскаго онъ былъ удаленъ въ Тобольскъ, гдѣ составилъ замѣчательную между своими сочиненіями книгу: «Историческое опи-

---

[1] Вводителемъ Сперанскаго въ свѣтскую службу, какъ извѣстно, былъ князь Куракинъ, къ которому онъ первоначально поступилъ для домашнихъ уроковъ дѣтямъ по закону Божію и по рекомендаціи митрополита Гавріила. Когда Сперанскій явился ко князю съ письмомъ отъ митрополита, то князь послѣ короткаго разговора съ нимъ былъ удивленъ и обрадованъ его умомъ. За-тѣмъ повелъ его по всѣмъ своимъ комнатамъ, чтобъ познакомить съ семействомъ своимъ. Тутъ скромному (25-лѣтнему профессору С.-Петербург. дух. акад.) въ первый разъ въ жизни случилось быть въ вельможескомъ домѣ. И онъ очень неловко почувствовалъ себя, когда, проходя въ длинномъ и простомъ сюртукѣ по заламъ, видѣлъ себя отражающимся въ большихъ зеркалахъ (до полу) и когда былъ представленъ Куракинымъ къ семейнымъ послѣдняго. Но вслѣдъ за-тѣмъ онъ и простился на-всегда съ длиннымъ сюртукомъ своимъ, вообще съ скромнымъ одѣяніемъ. Отъ князя онъ посаженъ былъ швейцаромъ въ коляску, привезенъ къ первому магазину съ готовымъ платьемъ, приглашенъ былъ войдти сюда и получилъ предложеніе переодѣться съ ногъ до головы въ новое платье. (Журн. *Стран.*).

[2] Мы знали ее еще въ дѣтскомъ возрастѣ. *Авт.*

саніе Сибири». Так. обр., поселившись въ Перми, Сперанскій сталъ жить въ сосѣдствѣ со своимъ другомъ (если по нашимъ сибирскимъ пространствамъ и 700 верстъ можно считать сосѣдствомъ). И вотъ извѣстно одно изъ писемъ его къ другу изъ Перми*! Это письмо-такая богословія, съ такимъ знаніемъ падшей человѣческой природы, что будто тутъ пишетъ аскетъ-пустынникъ. Разница отъ пустынника только та, что Михайло Михайловичъ примѣняетъ свои богословскія знанія и духовные опыты къ свѣтской жизни. А такое примѣненіе для насъ столь же важно, какъ особенную важность составляетъ встрѣтить между свѣтскими писателя-богослова и аскета.— О, если-бъ всѣ даровитые люди, которые по какимъ либо обстоятельствамъ выходятъ изъ духовнаго званія, не были въ свѣтскихъ предателями своей духовной науки и своего священническаго родопроисхожденія, но подобно Сперанскому и Словцову свѣтили бы между свѣтскими свѣтомъ богословскихъ истинъ и управляли бы самихъ себя къ царству небесному, этой послѣдней цѣли каждаго человѣка!—Въ длинномъ письмѣ своемъ къ Словцову Сперанскій сначала говоритъ *о покаяніи,* или о строжайшемъ испытаніи своей совѣсти и своихъ дѣлъ. Собственная работа его надъ самимъ собой на этотъ разъ, принадлежащая особенно днямъ пермской его жизни и мѣтко называемая имъ «болѣзненною операціею», привела его между прочимъ къ такимъ сужденіямъ. «Я (говоритъ) долго смотрѣлъ на преступниковъ наказанныхъ и сосланныхъ съ внутреннимъ отвращеніемъ: нынѣ же на нихъ смотрю съ нѣкоторой отрадой. (Почему же?)— *Многіе* изъ нихъ агнцы добродушные всравненіи со всѣмъ тѣмъ, что называемъ мы часто: честный и порядочный человѣкъ». По убѣжденію Сперанскаго каждый

---

* Отъ 6 августа 1813 года.

христіанинъ долженъ дотолѣ испытывать себя въ своей внутренней и внѣшней жизни, доколѣ не увидитъ въ себѣ «самаго горькаго преступника». За то послѣ этого, если испытатель и судья надъ самимъ собой и будетъ терпѣть какія либо несправедливости отъ людей, «люди и ихъ несправедливости предъ нимъ изчезнутъ; останется (для него) одинъ Богъ и Его орудія... Люби, страдай, и—все узнаешь», заключаетъ свои отвѣты опытный учитель въ школѣ терпѣнія.—Далѣе Сперанскій говоритъ о *возрожденіи,* или о перемѣнѣ христіаниномъ жизни. Могучую силу для этой перемѣны, какъ и для совершенства въ святой жизни, онъ указываетъ на основаніи евангелія только въ благодати Христовой. Здѣсь же разсуждаетъ о необходимости терпѣливой молитвы, о чтеніи слова Божія, которое столько самъ любилъ, о частомъ причащеніи св. тѣла и крови Христовой, о духовно-воспитательной силѣ церковныхъ установленій и обрядовъ (на-прим. о постахъ и хожденіи въ церковь). Заключаетъ письмо внушеніемъ: «не теряйте времени..., завтра можемъ умереть, а послѣ-завтра вѣчность и судъ*». И такъ не правда ли, что это высокая богословія и скорѣе посланіе пастырское, чѣмъ дружеское письмо? Не правда ли, что въ Перми Михайло Михайловичъ прекрасно выработывался, какъ христіанинъ, и что эти новыя религіозныя пріобрѣтенія его, присоединенныя къ геніальнымъ способностямъ его и неутомимому труду, подготовляли въ немъ на дальнѣйшей государственной службѣ еще болѣе драгоцѣннаго служаку?

Занимался онъ въ Перми кромѣ слова Божія и другимъ чтеніемъ, но уже слегка. (На-прим. если онъ обра-

---

* Это письмо прежде съ пропусками было напечатано въ „Москвитянинѣ“ (1845 г. № 3), а потомъ какъ-есть помѣщено въ „Душеполезномъ Чтеніи (1866 г.).

щался къ журналамъ, то для статей историческихъ митрополита Евгенія и особенно для сочиненій архимандрита Филарета (впослѣдствіи митрополита московскаго), котораго читалъ съ наслажденіемъ. Поповъ говоритъ, что не осталось въ семинарской библіотекѣ ни одной богословской книги, которой бы Михайло Михайловичъ не прослѣдилъ.

Игуменъ Иннокентій по-прежнему посѣщалъ его: по разсказу очевидцовъ бывалъ у него даже каждый день. Конечно, болѣе всего они бесѣдовали между собой о предметахъ ученыхъ и религіозныхъ.

Михайло Михайловичъ показывалъ себя въ Перми христіаниномъ не въ богословствованіи только и въ чувствованіяхъ, но и на самомъ дѣлѣ. Онъ не опускалъ церковныхъ службъ. Въ первый разъ у праздничной службы, черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда, онъ былъ въ «покровъ» въ Богородицкой церкви, гдѣ служилъ архіерей. Всталъ онъ у самого дьяконскаго амвона. Можно было ожидать, что пермяки обратятъ на него вниманіе. И дѣйствительно, нѣкоторые разсѣянные совсѣмъ уже забыли молитву, объ немъ только перешептывались, на него только и смотрѣли, а иные нарочито заходили впередъ, чтобъ взглянуть ему въ лицо. Но онъ самъ не обращалъ вниманія ни на кого и ни на что, а только молился. Вообще по праздникамъ онъ бывалъ у службъ архіерейскихъ, хоть квартира его находилась вблизи Петропавловскаго собора. Послѣ одной изъ архіерейскихъ службъ его узналъ нѣкто изъ духовныхъ, проѣзжавшій изъ Иркутска въ Петербургъ и видавшій его въ Петербургѣ на высотѣ славы. Этотъ духовный сравнилъ его петербургское положеніе съ настоящимъ-пермскимъ и, сколь ни далеко другіе (какъ замѣтно было) держали себя отъ него, сдѣлалъ ему искренній поклонъ. За-тѣмъ, они сошлись на завтракѣ у преосвященнаго

Іустина и познакомились. Сперанскій пригласилъ пріѣзжаго человѣка къ себѣ. Пріѣзжій рѣшился и на это, хоть не получилъ отъ другихъ совѣта идти изъ опасенія непріятностей. За то первый изъ всѣхъ услышалъ отъ самого Михайла Михайловича, что «изгнанникъ скоро оставитъ Пермь»[1].

Что Михайло Михайловичъ любилъ ходить въ церковь, доказываютъ его высокія мысли на сей разъ, высказанныя въ письмѣ къ дочери. «Бываешь ли у обѣдни? Не пропускай сей доброй привычки. Есть въ самой атмосферѣ церкви нѣчто благоговѣйное, собирающее разсѣянныя мысли... Ѳиміамъ молитвъ отъ множества душъ чистыхъ, намъ неизвѣстныхъ, и освящаетъ собою святое мѣсто[2]».

Михайло Михайловичъ строго соблюдалъ посты. Вотъ на это примѣръ.—Дожилъ онъ въ Перми до праздника пасхи. Приготовилъ у себя по обычаю православныхъ христіанъ столъ съ яйцами и другими пасхальными кушаньями. Потомъ сталъ ждать къ себѣ, какъ привыкъ встрѣчать въ Петербургѣ, священника съ крестомъ и для освященія пасхи. Но никто изъ священниковъ будто и не думалъ быть у него. Уже предъ вечерней явился одинъ. Онъ встрѣтилъ священника въ мундирѣ и со звѣздами[3], а послѣ пѣнія пасхальнаго попросилъ прочесть молитву надъ столомъ. Все было выполнено. Тогда онъ пригласилъ батюшку поѣсть отъ его стола. Но священникъ отказался, потому что уже во многихъ домахъ отвѣдалъ скоромной пищи. Сперанскій же сказалъ: «а вотъ я еще доселѣ не разговлялся, потому что до благословенія церковнаго не имѣю привычки послѣ великаго

---

[1] Москв. 1848 года, № 8.

[2] Москв. 1847 года, № 1, стр. 141.

[3] Сперанскій имѣлъ уже въ то время орд. Владиміра 2 степ.

поста приступать къ скоромной пищѣ»!—По пріѣздѣ въ Пермь впродолженіе значительнаго времени онъ отказывалъ себѣ во всемъ, что считалъ сколько нибудь излишнимъ, на-прим. не пилъ кофе и вина за столомъ: курить же никогда не имѣлъ привычки и даже не терпѣлъ табачнаго дыма. И конечно, это были опыты его борьбы вообще съ привычками, а не собственно скудость въ деньгахъ.

Набожный сановникъ не оставлялъ въ Перми дѣлъ христіанскаго милосердія. Бѣдные толпами собирались къ его дому: въ лѣтнее время онъ съ балкона раздавалъ имъ милостыни [1]. Однако на первыхъ порахъ столь велико было отвращеніе къ нему даже въ бѣдныхъ, что наприм. военно-плѣнные французы, присланные въ Пермь, не хотѣли принимать отъ него, будто измѣнника, милостыни, за которой протягивали руку ко всѣмъ другимъ. На семинаристовъ же, чрезъ посредство преосвященнаго Іустина, онъ пожертвовалъ 50 рублей, какъ значится объ этомъ пожертвованіи въ записяхъ пермской семинаріи. А что онъ заботился о бѣдныхъ своихъ родственникахъ во владимірской губерніи, и особенно о содержаніи своей престарѣлой матери,-и говорить нечего; на-прим. изъ Нижняго онъ посылалъ имъ 200 руб. (Портретъ матушки, сельской священницы, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ онъ всегда хранилъ у себя на видномъ мѣстѣ въ кабинетѣ).—Можетъ быть и въ это время онъ не оставлялъ безъ пособій своего друга Словцова, за котораго въ 1809 году заплатилъ въ Петербургѣ долги [2].

---

[1] Разск. *очевидцовъ-старожиловъ.*

[2] Москв. 1844 года, № 10.

Что же до внѣшнихъ развлеченій Михайла Михайловича въ Перми, то постояннымъ развлеченіемъ его была прогулка по монастырской улицѣ. Казалось бы, ближе всего было ему подняться по тротуарамъ въ-гору на противоположный уголъ своей квартиры, и — онъ вышолъ бы на главную (по тогдашнему времени) площадь города: тутъ помѣщались губернаторскій домъ и другія большія зданія. Но онъ вообще не показывался въ большихъ улицахъ. Монастырская же улица въ то время была въ углу города и казалась уединенною. Чтобъ дойдти до нея, онъ проходилъ цѣлыхъ четыре квартала. Потомъ, поднявшись къ архіерейскому дому, еще на два квартала подвигался (отъ нынѣшней семинаріи) на слудку по этой самой улицѣ, а иногда по береговой: на слудкѣ жили кожевники и квартировали семинаристы. А за-тѣмъ уже останавливался; потому что былъ конецъ города. Так. обр. въ этой части Перми Сперанскій вдругъ измѣрялъ весь городъ изъ конца въ конецъ. Чтобъ больше погулять, иногда онъ дѣлалъ за разъ два круга (тура). Мѣщане пермскіе высматривали изъ своихъ домовъ на вельможу-изгнанника, а семинаристы (честь имъ!) отдавали ему почтительный поклонъ. Къ удивленію мѣщанъ и семинаристовъ, и онъ отплачивалъ поклономъ, а не просто проходилъ, какъ не обращали на поклоны нисшихъ себя чиновники пермскіе. На томъ же пунктѣ берега, гдѣ нынѣ кухня семинарская, обыкновенно, гуляющій останавливался. Здѣсь онъ садился на скамью: на скамьѣ разъ сдѣлалъ вырѣзку ножичкомъ «Сперанскій», и—эта скамья лѣтъ 15 за-тѣмъ оставалась памятникомъ объ немъ. А то, опершись на свою трость, долго-долго смотрѣлъ за каму на сѣверныя мрачныя облака. Конечно, это были минуты самыхъ глубокихъ думъ изгнанника, которыхъ онъ потомъ нигдѣ не забывалъ. Мысли о суетѣ земной жизни и о вѣчности занимали

его; потому что и теперь (о себѣ скажу), не будучи изгнанникомъ, когда въ зимнюю пору съ высокаго берега камы остановишься внимательнымъ взглядомъ на противоположную низменную сторону, отъ которой начинается лѣсъ и лѣсъ..., невольно встрѣчаешься съ подобными мыслями.

Сперанскаго каждый разъ видали гуляющимъ съ какими-то двумя человѣками. Но это могло быть только въ то время, когда съ нимъ жилъ въ первый годъ (съ 15 октябр. по 4 февр.) братъ и какъ его посѣтилъ въ пермскомъ уединеніи одинъ изъ друзей его, нѣкто *Столыпинъ*. Столыпину Арк. Алексѣев., какъ богатому пензенскому помѣщику, ничего не стоило доѣхать до Перми. Онъ сошолся со Сперанскимъ на первоначальной службѣ Михайла Михайловича въ канцеляріи генералъ-губернатора и былъ обязанъ многимъ своему другу. Впослѣдствіи самъ былъ однимъ изъ почотнѣйшихъ сенаторовъ.

Уже полтора года прошло, какъ Сперанскій отправилъ съ дочерью къ Государю оправдательное письмо. Но надежды его на свободу не оправдывались. Тогда онъ напомнилъ о себѣ Государю, поздравляя Государя съ побѣдами и миромъ. И вотъ уже вполовинѣ 1814 года (30 августа, въ день тезоименитства Государя) получилъ онъ дозволеніе переѣхать въ свою деревушку (Великополье)! (А предполагалось тогда же пригласить его въ Петербургъ: только враги успѣли отклонить это назначеніе). Послѣ этого первымъ открыто посѣтилъ Сперанскаго преосвященный Іустинъ, затруднявшійся раньше и передать ему поклонъ отъ митрополита петербургскаго Амвросія, который намекалъ тѣмъ, какъ нужно относиться къ изгнаннику.

Быстро, безъ сомнѣнія, Михайло Михайловичъ собрался въ дорогу. Къ сожалѣнію, и тутъ назначенъ былъ

сопровождать его частный приставъ (Матѳѣевъ). Первыми проводить его явились приближенные: въ томъ числѣ былъ Лазаревъ. Но заботились о проводинахъ его и чины пермскіе. Послѣдніе, между прочимъ, предполагали, что и простой народъ, который особенно съ сочувствіемъ сталъ относиться къ изгнаннику, будетъ провожать его. Потому приготовили для народа за заставой столы, а для него самого разныя вина и угощенія. Въ виду разныхъ винъ Сперанскій шуточно сказалъ: «жаль, что не могу увезти въ карманѣ вашу каму». Наконецъ, онъ поблагодарилъ всѣхъ и поцѣловался со всѣми. Но при этомъ отличилъ самаго близкаго друга своего по Перми, игумна Иннокентія. Иннокентію онъ сказалъ: «прощайте, добрѣйшій отецъ! Если я буду со-временемъ счастливъ, и—вы будете счастливы». Рѣчь—какъ видимъ—была не рѣшительная; потому что Михайло Михайловичъ отправлялся только на свободу, а не на службу. Однако-жъ онъ имѣлъ твердую надежду, что истина вполнѣ откроется и что общее неблагопріятное мнѣніе объ немъ склонится въ его пользу. Онъ предчувствовалъ, что братья-цари (Александръ и Николай Павловичи) будутъ нуждаться въ его новыхъ услугахъ для государства. Так. обр. въ свою очередь и о. Иннокентій не прельстился этимъ обѣщаніемъ.

Чувства, съ которыми Сперанскій проѣзжалъ первыя версты отъ Перми по казанскому тракту, можетъ частію сознавать тотъ, кто также бывалъ изгнанникомъ (дальнимъ или близкимъ) за умную и усердную свою службу. Безъ сомнѣнія, слезы лились у него отъ живѣйшаго представленія, что вотъ онъ пережилъ въ Перми впродолженіе двухъ лѣтъ. (До двухлѣтія онъ не дожилъ здѣсь только четырехъ дней). Но—еще повторяю—Пермь обильно надѣлила его христіанскими качествами. Здѣсь онъ (какъ самъ признавался) «очистилъ, какъ въ горнилѣ,

въ совѣсти своей побужденія своихъ дѣйствій... отъ примѣси... гордости и суетности, отдалъ себя на судъ Богу и вышолъ отсюда перерожденнымъ..., сохранивъ въ душѣ любовь къ Богу, отечеству и ближнимъ». Въ Великопольѣ онъ продолжилъ это перерожденіе себя, но уже безъ душевныхъ болей и какъ-бы въ «тихой пристани послѣ бурнаго плаванья». (Тамъ онъ соединился съ любимою дочерью и находилъ для себя отдыхъ въ учебно-воспитательныхъ занятіяхъ съ ней. Но главнымъ занятіемъ его теперь было чтеніе св. Отцовъ, къ которымъ и *разумно было обратиться послѣ изученія* въ Перми священнаго ***Писанія***).

О дальнѣйшей жизни великаго и незабвеннаго человѣка мы не считаемъ себя вправѣ говорить, потому что то была жизнь его уже не пермская. Впрочемъ вышло такъ, что Сперанскій не на-всегда простился съ Пермью. Черезъ пять лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами онъ снова увидѣлъ ее: снова возвратился въ нашъ же отдаленный край въ званіи сибирскаго генералъ-губернатора. Поэтому мы позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ о проѣздѣ его черезъ Пермь и самой *жизни* его *въ Сибири.*

Онъ проѣзжалъ черезъ Пермь генералъ-губернаторомъ въ самую пріятную пору года, вконцѣ мая (1819 года). Епископомъ здѣсь оставался тотъ же Іустинъ, а губернаторомъ былъ уже другой, Криденеръ (предъ Тюфяевымъ). Останавливался онъ въ домѣ Кнауфа*. Губернаторъ устроилъ для него великолѣпный обѣдъ. Друзья его, о. Иннокентій (тогда уже инспекторъ семинаріи), купецъ Поповъ и другіе, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ радовались его возвышенію. Но самъ онъ переиспыты-

* Это нынѣ домъ купц. Киселев. возлѣ духовное училище.

валъ въ душѣ своей смѣшанныя впечатлѣнія. «Я въ Перми (писалъ онъ дочери своей), и—ты можешь представить всю странность, всю противоположность моихъ впечатлѣній. Это есть мѣсто моихъ страданій, училище терпѣнія, покорности и духовнаго величія[1]». За-тѣмъ онъ слѣдовалъ черезъ Кунгуръ и Екатеринбургъ. Между прочимъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ суксунскій заводъ гг. Демидовыхъ. Вездѣ на дальнѣйшемъ пути до Тобольска осматривалъ присутственныя мѣста, больницы и остроги.

Какая же была особенная цѣль назначенія его въ Сибирь? Ему, какъ извѣстному великому организатору, было поручено обозрѣть, исправить отъ злоупотребленій (въ лицѣ мѣстныхъ властей) и поставить въ лучшее состояніе столь отдаленный и громадный край. Безъ сомнѣнія, на такое дѣло и могло достать только его ума, твердости характера и терпѣливаго труда. Но важное порученіе оставалось порученіемъ, а намѣренія его завистниковъ, сильныхъ при дворѣ, достигались сами по себѣ. Завистники и враги его тѣмъ больше оставались довольны, чѣмъ дольше онъ не былъ приглашаемъ ко двору. Так. обр. и новую сибирскую жизнь его (опять же двухлѣтнюю) частію можно назвать ссылкою, только «почотною». Сперанскій опять разлучился со своею дочерью. О тяжелой во многихъ отношеніяхъ жизни его въ Сибири можемъ судить по строкамъ его къ дочери: «за меня народъ и ссыльные, а все остальное поклялось погубить меня[2]» (разумѣются мѣстныя власти, которыя препятствовали его планамъ по преобразованію Сибири). Однако-жъ при своемъ высокомъ христіанскомъ направленіи Михаилъ Михайловичъ преподѣдилъ всѣ трудности: и суровый климатъ и Сибири громадные объѣзды тамъ и

---

[1] Бар. Корф. [2] Письмо изъ Тобольска.

козни противниковъ новымъ его порядкамъ. Двухлѣтняя жизнь его въ Перми принесла ему и на этотъ разъ пользу; потому что, живя въ Перми, онъ собралъ много свѣденій о Сибири. Словомъ онъ сдѣлался великимъ благодѣтелемъ края. Онъ составилъ планъ *учрежденія сибирскихъ губерній;* пріобрѣлъ любовь и благословеніе отъ простаго народа и особенно отъ ссыльныхъ преступниковъ, которыхъ стоны до него были особенно тяжелы.

Насталъ и конецъ всѣмъ странствованіямъ Михайла Михайловича. Замѣтимъ, что изъ самаго «великополья» онъ началъ ожидать себѣ возвращенія въ Петербургъ. Въ этомъ одномъ возвращеніи онъ находилъ рѣшительное оправданіе для себя предъ народомъ, такъ какъ многіе и многіе, благодаря его врагамъ, все еще считали его измѣнникомъ и своему подозрѣнію находили поддержку въ столь продолжительномъ устраненіи его отъ двора. Желаніе его возвратиться въ Петербургъ во время службы въ Сибири возросло даже до болѣзни своего рода. И вотъ 8 февраля 1821 года онъ выѣхалъ изъ Тобольска! Онъ такъ былъ радъ своему возвращенію и такъ спѣшилъ дорогой, что по 300 верстъ выѣзжалъ въ сутки (на-прим. отъ Тюмени до Екатеринбурга). Въ Екатеринбургѣ, однако, не отказался отъ предложенныхъ въ честь его обѣда и вечера. За-тѣмъ, въ вѣчно-памятной для него Перми только обѣдалъ у губернатора и посѣтилъ епископа Іустина. Іустинъ ему подарилъ изъ семинарской библіотеки библію «полиглоттъ» (на многихъ языкахъ), между тѣмъ какъ раньше и за 500 руб., которые онъ предлагалъ, не была уступлена ему эта книга. Отъ восторга по случаю возвращенія въ Петербургъ у нашего странника, такъ сказать, захватывало дыханіе. (Однако-жъ онъ заѣзжалъ въ сторону къ почитателямъ своимъ въ Пензѣ и чтобъ увидѣться тамъ съ братомъ. Пенза вся пришла въ движеніе и не давала ему покоя своими

обѣдами въ честь его). О пріѣздѣ его въ самый Петербургъ скажемъ собственными словами его изъ дневника: «къ обѣду въ царскомъ селѣ. Встрѣтился съ дочерью*! какая встрѣча! сколько горестей! Ввечеру Петербургъ. Выѣхалъ 17 марта 1812 года, воротился 22 марта 1821. Странствовалъ девять лѣтъ и пять дней».

Когда Сперанскій утвердился въ Петербургѣ и получилъ новыя и еще большія довѣрія, тогда въ Перми увидѣли оправданіе условнаго обѣщанія его о. Иннокен-

---

* Скажемъ теперь подробнѣе о дочери Сперанскаго, которая и въ Перми раздѣляла съ нимъ великія горести его и вообще была первымъ повѣреннымъ другомъ его душевныхъ страданій,-тайныхъ думъ и надеждъ. Года черезъ полтора послѣ этого Михайло Михайловичъ, съ Божіею помощью, пристроилъ ее (сиротку по матери) въ замужество. Мужемъ ея молодыхъ лѣтъ нашолся Флоровъ-Багрѣевъ, черниговскій губернаторъ, впослѣдствіи дѣйств. тайный совѣтникъ и сенаторъ. Любящій и заботливый отецъ столько былъ доволенъ устройствомъ участи своей дочери, что говорилъ послѣ этого: *нынѣ отпущаеши раба твоего...!* Дочь вышла въ своемъ родѣ представительницей геніальныхъ способностей своего отца: она имѣла нѣсколько сочиненій, которыя издавала на французскомъ языкѣ.— Замѣтимъ и объ матери и братѣ Михайла Михайловича.—Года черезъ три послѣ возвращенія своего въ Петербургъ онъ лишился своей матери. Глубоко поскорбѣлъ онъ о матушкѣ: но нисколько не измѣнилъ за-тѣмъ своихъ отношеній къ роднымъ, благодѣтельствуя имъ всегда больше, чѣмъ родной. А еще черезъ годъ лишился единственнаго своего брата Косьмы, который умеръ въ Пензѣ и о которомъ считаемъ долгомъ сказать здѣсь тѣмъ болѣе, что это также былъ участникъ его пермскаго изгнанія.—Единственнымъ потомкомъ незабвеннаго Сперанскаго вначалѣ 60-тыхъ годовъ считался генералъ Кантакузинъ, женатый на внукѣ его отъ единственной дочери. Довольно у него теперь непрямыхъ внуковъ въ духовномъ званіи, но также не съ его фамиліей. Всѣ же „Сперанскіе“, которыхъ немало считается перешедшими изъ *владимірской* губ. и въ *пермскую*,-не потомки законодателя, графа Сперанскаго. Во владимірской семинаріи прежде любили давать отличнымъ ученикамъ фамилію „сперанскаго“ въ честь великаго человѣка.

тію. О. Иннокентій вдругъ былъ назначенъ, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, ректоромъ псковской семинаріи. А потомъ черезъ пермскаго друга своего, который свидѣтельствовалъ въ Петербургѣ объ его достоинствахъ, получилъ и санъ архіерейскій.

Еще цѣлыхъ 18 лѣтъ Михайло Михайловичъ трудился для русскаго государства. Смерть его послѣдовала 67 лѣтъ отъ роду*, 11 февраля 1839 года, немного болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ онъ былъ пожалованъ званіемъ *графа*. Преемникъ государя Александра Павловича, государь-императоръ Николай Павловичъ глубоко былъ опечаленъ его смертію и много разъ повторялъ: «другого Сперанскаго мнѣ уже не найдти». Настоящій же монархъ, Александръ Николаевичъ, почтилъ его память воспоминаніемъ 100-лѣтняго юбилея его по рожденію и молитвою въ день юбилея (1 января 1872 года) на его могилѣ.

Въ Перми память о графѣ Сперанскомъ сохраняется въ устномъ преданіи. Но недавно оказался здѣсь и внѣшній памятникъ его. Мы хотимъ сказать объ его портретѣ. Въ первые годы своей пермской жизни, когда онъ былъ оставленъ всѣми и когда нуждался въ средствахъ, встрѣтилъ помощь отъ помѣщиковъ, Всеволода Всеволожскаго и Христофора Лазарева. Послѣдній (тогда

* Онъ пережилъ годы отца своего, священника Михаила, который, оставивъ службу, только ходилъ въ церковь и умеръ на 62 году отъ роду: но далеко не достигъ до возраста матери своей (83 г.), умершей также послѣ храненія себя только на молитвѣ, церковной и домашней. Дѣдъ его, Василій (священникъ же и предъ его рожденіемъ слѣпой) и бабушка были также долговѣчными и благочестивыми. Дѣда онъ помнилъ строгимъ, а бабушку постоянно стоящею на молитвѣ и питающеюся одной размоченной просфорой.

еще юноша), какъ быть, на тотъ разъ пріѣхалъ въ Пермь по дѣламъ имѣнія. У него былъ управляющимъ А. В. Клоповъ, который являлся къ Михайлу Михайловичу по порученію отъ своего господина. Хоть Клоповъ происходилъ изъ дворовыхъ, но получилъ хорошее образованіе на средства помѣщика. Сперанскій уважалъ и чужіе таланты и образованіе. Так. обр. и Клопова приблизилъ къ себѣ, и даже столько, что довѣрялъ ему купить для себя имѣніе въ тверской губерніи, писалъ къ нему впослѣдствіи изъ Петербурга. Переписка эта хранилась у Клопова до 1867 года, а потомъ затерялась. Въ знакъ своей признательности Михайло Михайловичъ послалъ къ нему изъ Петербурга свой поясный (вершк. 10) портретъ, писанный масляными красками. По отзыву Клоповой, которая пережила своего мужа, портретъ совершенно сходствовалъ съ тѣмъ, кого изображалъ. Но и портретъ Сперанскаго въ Перми также подвергся странствованію и пренебреженію. Дѣти Клопова по случаю какого-то перемѣщенія рѣшили распродать отцовское имѣніе и продажу поручили чиновнику Ястребову. Всѣ вещи были распроданы, кромѣ портрета. Тогда наслѣдники подарили портретъ Ястребову. Ястребовъ отыскивалъ почитателей Сперанскаго, которые бы пріобрѣли его портретъ: но и опять не нашлось никого купить. Ястребовъ по своей слабости нуждался въ деньгахъ, и—заложилъ портретъ лавочнику за 40 коп. Лавочникъ (Жуковъ) незналъ, кого изображаетъ портретъ. И когда залогъ не былъ выкупаемъ, то позволилъ своимъ домашнимъ употребить его вмѣсто покрышки. Так. обр. на портретѣ оттѣнился кругъ отъ молочнаго горшка. Случайно зашолъ къ Жукову въ кладовую хозяинъ его квартиры, чиновникъ П. Ф. Грамолинъ (изъ духовныхъ, студентъ пермской семинаріи), увидѣлъ портретъ, и—тотчасъ догадался, кого изображаетъ портретъ. Когда портретъ былъ прочищенъ

и поправленъ, физіономія Сперанскаго со всею ясностью обозначилась. Теперь портретъ въ хорошихъ рамкахъ и хранится въ кабинетѣ у любителя археологическихъ вещей. И это единственный въ Перми (стѣнной) портретъ Сперанскаго.

Вѣчная память тебѣ, Михайло Михайловичъ, столько родной намъ по Перми!

Извлеч. изъ книги: „...Столѣтіе Перми...“.

...ЕСКАЯ
...ТЕКА

Пермь. Типографія Никифоровой.